ЭШЕЛОНЫ ЛЕТЯТ ПОД ОТКОС

Имя Серафима Павловича Алексеева известно многим шахтницам. Будучи тяжело раненным в первые дни войны и попав к немцам в плен, он бежит из фашистского лагеря и организует вместе с польскими товарищами партизанский отряд. Нанеся немалый урон гитлеровцам, этот интернациональный отряд влился затем в войска 4-го Украинского фронта, а его командиру Серафиму Алексееву было присвоено звание капитана Армии Людовой, он удостоен целого ряда боевых наград — орденов «Крест храбрых», Грюнвальда, Красной Звезды, многих медалей. После войны Серафим Павлович посвятил себя педагогическому труду, долгие годы был директором средней школы № 49. Его беспокойный, неравнодушный характер и по сей день всецело отдан людям, родному городу и Аютинскому поселку, среди жителей которого он пользуется заслуженным уважением. Не случайно богатый жизненный опыт ветерана, воспоминания фронтовика вылились в книги, изданные не только в нашей стране, но в ставшей дорогой его сердцу Польше. Вот только беда: тираж их невелик. К тому же автором обобщено немало новых материалов тех лет. Словом, хорошо бы написанное переиздать, что в нынешних условиях без спонсоров практически невозможно. Публикуя небольшой отрывок из книги «В западне», надеемся привлечь внимание всех, кто смог бы оказать в этом деле помощь. Тем более что впереди — полувековой юбилей освобождения Польши и нашей общей Великой Победы.

Творчество фронтовиков

21 марта мы вышли на свою последнюю, четвертую диверсию. К этому времени наши успешные взрывы на железной дороге Демблин—Луков не на шутку встревожили гитлеровцев, которые решили принять более строгие меры по охране проходящих воинских эшелонов. По сообщениям наших разведчиков немцы стали пускать на малой скорости бронепоезда, впереди которых шли пустые платформы.

День пробыли у крестьянина, проживающего недалеко от станции Сарнов. С нетерпением ждали вечера, выхода на дорогу. В тот день мы почему-то волновались больше обычного. Может, оттого, что решили эту мину поставить на сердцевину карандаша, а это куда сложнее и опасней, чем на колышек. По рассказам Горы, в Белоруссии этот способ минирования железных дорог получил очень широкое распространение. Партизаны там часто рвали поезда белым днем, когда совершенно исключалось минирование на колышек, так как дороги усиленно охранялись немецкими патрулями. Колышек же при этом только демаскировал место минирования.

С наступлением темноты мы уже были у высокой насыпи, проходящей по мочажинистому лугу, находящейся в километре от Сарнова. Подступы к дороге в этом месте открытые, удаленные от леса, что заставило меня выставить усиленное охранение. За минера — Стрыков.

Вложив мину в углубление, сделанное им между шпалами, Иван осторожно вставил в нее взрыватель, в котором металлическая чека была заменена сердцевиной карандаша, и стал с большой осторожностью подсыпать под дно ящика землю, перемешанную с галькой, приподнимая головку взрывателя почти что до подошвы рельса.

Это был самый напряженный и самый ответственный момент в минировании. Мы с Кошелевым, затаив дыхание, следим за смелой и четкой работой Стрыкова. Сделай он в кромешной темноте неуверенное или нерасчетливое движение, рукой резко поддай вверх ящик с миной — головка взрывателя упрется в рельсу, хрупкая, ненадежная сердцевина карандаша сломается — и все будет кончено.

Но Стрыков был осторожным, хладнокровным минером. Дело свое он знал твердо, минированием дорог занимался с лета 1942 года, так что опыт у него был, а поэтому действовал он четко, уверенно. Через несколько минут напряженной работы, от которой у нас, находящихся рядом с Иваном, даже тело вспотело, он оторвал голову от земли и, тяжело вздохнув, сказал сдавленным голосом:

— Все в порядке.

Спустившись к партизанам, с тревогой ожидавшим нас, отходим в сторону леса, расположенного метрах в 500 от железной дороги. Не доходя до него полпути, останавливаемся — решаем все же понаблюдать за дорогой, посмотреть на дело своих рук. С неба, затянутого густыми тучами, начал моросить надоедливый мелкий дождь. Вокруг стояла глухая тишина. Но вот в стороне Сарнова неожиданно раздался тоскливый свисток паровоза, громко потревоживший уснувшую окрестность.

— Наверное, поезд тронулся, — сказал Павел Жидков, зябко кутаясь в промокший пиджак. Но я ему ничего не ответил. Мы все находимся в тревожном ожидании. Проходит несколько томительных минут. До нашего слуха стало доноситься тяжелое дыхание паровоза, медленно приближающегося к мине. Явственно слышался неторопливый стук колес тяжелогруженого состава. Из-за леса показался яркий сноп света, вырвавший из темноты пустынную дорогу. Сбившись в кучку, мы с нетерпением смотрим на громыхающий в темноте поезд. В душу закрадываются тревожные мысли.

— Не бронепоезд ли это? Если бронепоезд, то считай, что пропал заряд. На такой скорости с ним ничего не случится. Да и с эшелоном дело пропащее. Самое большое — это будет уничтожен паровоз. А нам этого очень мало. Нам дорога мина. Мы ее из-под самого Бога сюда принесли.

Партизаны настороженно молчат. Их нетерпеливые взгляды прикованы к составу, приближающемуся к мине. По длине эшелона мы видим, что это не бронепоезд. Это немного успокаивает нас. До мины остались считанные метры.

— А вдруг она, ребята, не взорвется? — высказал вслух свое мнение Иван Лесников. Он у нас был удивительным человеком — всегда и во всем сомневался.

— Не может этого быть, — решительно возразил ему Жидков. Стрыков — минер надежный.

Не успел Павел закончить свое суждение о Ванюшке, о его способностях, как неожиданно в глаза ударил яркий свет, добела осветивший темное мартовское небо. Под паровозом оглушительно охнуло, зашипело. Из разорванной топки тысячами горячих звездочек разлетелись по сторонам раскаленные угли. Возле переднего вагона, неподвижно застывшего на дороге, вспыхнуло яркое пламя. Бойкий огонь жадно лизнул его деревянную обшивку, вырвав из темноты растерянную кучку немцев, метавшуюся в испуге на насыпи.

Огонь с каждой минутой усиливался. Гитлеровцы попытались было тушить его. Но мы помешали им сделать это. Несколько наших пулеметных очередей заставили их укрыться за насыпью. Бушующий огонь уже охватил весь вагон.

Неожиданно в нем послышались глухие взрывы, следующие один за другим. Это рвались ящики с патронами и гранатами, находившимися в этом вагоне. Взрывы яростно разметали по сторонам горящие доски, а широкие языки пламени стали жадно лизать обшивку соседнего вагона. Пожар усиливался. А взрывы, не затихая, следовали один за другим. Но вдруг, заглушая их, раздался новый страшной силы взрыв.

Взрывная волна, больно ударив по ушам, оглушила нас. В воздухе угрожающе завыли тяжелые осколки. Они с шумом пролетели над нами и упали где-то совсем рядом.

— Ребята! Ребята! — не выдержав, с радостью в голосе закричал бывший штурман бомбардировочной авиации Константин Кугашов. — Да ведь это же авиабомба взорвалась. Это эшелон с авиабомбами, — не унимался он.

Но новые взрывы заглушили голос Кости, потрясли воздух. Вокруг стало светло, как днем. Большое красное зарево ярко заполыхало над землею. Тяжелые осколки посыпались градом рядом с нами... Оставаться на открытом поле стало опасно. Мы изо всех сил бросаемся в лес. Но и в нем настигают нас смертоносные осколки. Не останавливаясь, мы теперь стараемся как можно быстрее уйти от дороги, на которой то и дело громыхают взрывы бомб.

На выходе из леса остановились, чтобы излить друг другу радостные, волнующие чувства, которые переполняли наши сердца. Дальше мы просто не могли идти. Ребята ликуют. Стараясь перекричать друг друга, они что-то говорят, целуют растерявшегося от такого внимания героя сегодняшнего вечера Ивана Стрыкова. Я давно не видел такими счастливыми и довольными своих ребят, какими они были в этот мартовский вечер. Это был их праздник. Перекурив, неспеша направились в Вельголяс, сопровождаемые глухими взрывами бомб, то и дело оглядываясь в сторону железной дороги, над которой полыхало зарево.

А с наступлением дня разнеслись, разлетелись по селам и местечкам Луковского повета разные толки о нашем взрыве под Сарновом. Чего только не повыдумывали крестьяне, желая любым способом приблизить день освобождения от фашистского гнета. Одни, более решительные и нетерпеливые, говорили, что ночью к Лукову прорвались русские войска и там вели ожесточенный бой с немцами, другие — что это русские самолеты всю ночь бомбили Луков — узловую станцию, забитую вражескими эшелонами.

Слушая крестьян, мы только улыбались, сознавая, что именно в лице нашей армии поляки видят своего освободителя, что они с огромной радостью и нетерпением ждут ее прихода...